

В. Ю. Дунаев¹**АРХИТЕКТОНИКА СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

«Растрепанная импровизация истории» (А. И. Герцен), ее «импрессионистская безответственность» (О. А. Кураев), если не преступная небрежность в обустройстве величественного целого общечеловеческой культуры, нигде, пожалуй, не проявляются столь явно, как в социокультурном ландшафте постсоветских суверенных республик. Его рельеф создается взаимодействием нескольких формообразующих потоков: инерцией прежнего типа социокультурного развития; ассимиляцией новых культурных норм, ценностей, социостилей; возрождением традиционных этнокультурных стереотипов; диалогом этнических культур и т. д. Результатом интерференции этих потоков становится мозаичное, лоскутное пространство культуры, в котором идентификационные стратегии подчиняются принципу “anything goes” («все сойдет, все сгодится»). Но методологический анархизм и соответствующий

ему беспорядочный «дрейф идентичности» по наборам культурных парадигм или культурно-цивилизационных моделей личностного самоопределения не означают автоматического утверждения подлинно свободного мировоззренческого выбора.

В культуре должно быть нечто онтологически непреложное, в чем человек даже в условиях культурно-мировоззренческого плюрализма может обрести твердую духовную опору. Отрицание онтологического и аксиологического центра и замена иерархической смысловой структуры «номадической дистрибуцией» превращают философию культуры в регистрацию «поверхностных эффектов», создающихся скольжением смыслов и значений, без надежды — да и особого желания — пробиться к безотносительным духовным смыслам и ценностям культуры.

Мозаично-сетевая морфология мира современной культуры находит свое отражение в постмодернистской идеологии децентрированных структур. С точки зрения Ж. Деррида, основополагающей эпистемой классической культуры является понятие «бесструктурного центра структуры», создающего сбалансированность и гармонию структур внутри целостной формы, в то время как в самом центре свободная игра и трансформации элементов запрещены. Однако себетожественный смысловой центр, как подчеркивает Ж. Деррида, не объективное свойство структуры,

¹ Заведующий сектором политических технологий Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Структуры и апории аксиологической модальности социодискурса», «Концептуальные основания и стратегические приоритеты этнополитики современного Казахстана», «Об инновационных технологиях социально-политического риск-менеджмента в Казахстане» (в соавт.) и др.

а интерпретационная фикция классической (логоцентристской) онтологической парадигмы. Модель структуры, организованной вокруг абсолютного центра, должна быть заменена децентрированной моделью сосуществования равноправных и равноценных смысловых инстанций в соответствии с семантической матрицей, задающей конфигурацию онтологически-смыслового поля философии культуры как сеть связей между его гетерогенными элементами.

Позитивный смысл «апофатической семантики» деконструктивистских стратегий состоит в том, что ее окольные пути позволяют четче, осмотрительнее, вывереннее артикулировать вопрос об условиях бытия человеческой культуры, о том в ней, что не поддается никаким языковым играм, интертекстуальным подменам, отсылкам и стираниям. Жак Деррида не устал подчеркивать, что движения деконструкции логоцентристской эпистемы обитают («как бы обитают») внутри самих деконструируемых структур и поражают свою цель изнутри. В связи с этим возникает соблазн рассматривать этих обитателей как скопище паразитов, облепивших и упорно пожирающих изнутри институциональную ткань социума, логические конструкции метафизических систем, догматические положения религии, нравственные кодексы и т. д. На самом же деле в дискурсе Ж. Деррида единое первоначало не исчезает, но создается возвратным движением следа как «первоначалом первоначала». Сознание изобретает свой путь внутри всегда-уже-начатой редукции, где изначальный Абсолют присутствует не как налично-сущее, но лишь неустанно *различая-откладывая*, бесконечно приберегая себя.

Фактически в построениях Ж. Деррида речь идет не о дискредитации онтологических универсалий и систем традиционной метафизики, а о новых принципах их понимания и артикуляции. И в этом отношении постмодернизм движется параллельными курсами с поисками нового типа рациональности современным естествознанием и социогуманитарными науками.

Зададимся вопросом: какая основная процедура реализуется в предложенной постмодернизмом методике деконструкции через возвратное движение следа как «первоначало первоначала»? В качестве такой процедуры выступает итерация основополагающего различия в сериях, превращающих логоцентрическую эпистему и ее направляющие схемы в диссипативную систему со своими собственными параметрами порядка, невидимыми или игнорируемыми с позиций самой эпистемы. Суть этого процесса можно описать на основе использования современных синергетических представлений об универсальных структурно-порождающих механизмах в динамическом хаосе и математического аппарата фрактальной геометрии.

Основоположник фрактальной геометрии Бенуа Б. Мандельброт так начинает свою книгу: «Почему геометрию часто называют “холодной” и “сухой”? Одна из причин — ее неспособность описать форму облака, горы, дерева или береговой линии. Облака не являются сферами, горы — конусами, береговые линии нельзя изобразить с помощью окружностей,

кору деревьев не назовешь гладкой, а путь молнии — прямолинейным»¹. Существование таких феноменов Б. Мандельброт воспринял как вызов математическим теориям, которые никак не объясняют того, что мы видим или ощущаем, и решил заняться подробным изучением тех из форм, которые Евклид отложил в сторону из-за их бесформенности — исследовать морфологию «аморфного».

Теория странных аттракторов и хаотической (или стохастической) эволюции возникла и развивалась вне какой-либо связи с фрактальными множествами, и все же оказалась буквально пронизана ими. Аттракторы и репеллеры большинства динамических систем имеют явную тенденцию к фрактальности. «Все известные “странные” аттракторы представляют собой фрактальные множества»². В диссипативных системах аттрактор копирует сам себя, воспроизводя основное свойство фракталов — самоподобие. Фрактал в геометрии и странный аттрактор в теории хаотических динамических систем по сути дела являются синонимами.

Теория динамического хаоса, синергетика, фрактальная геометрия также инициируют методологические, философско-мировоззренческие разработки нового типа теоретико-познавательных моделей исследования социокультурных систем и процессов. На наш взгляд, фрактал — это методологическая модель разрешения антиномии системы и ризомы, логической категории и экзистенциала, регулярности и спонтанности. Картина номадической дистрибуции смыслов в «ризоморфных» средах произвольно фрагментированного мира культурных ценностей и норм близка и вместе с тем принципиально отлична от фрактального типа морфологии культуры.

Основное свойство топологической структуры фракталов — самоподобие, по модели отражения зеркала в зеркале. При этом для большинства фракталов характерно нежесткое самоподобие, рекурсивные процедуры их генерации ковариантны, то есть зеркала обладают определенной структурностью, кривизной.

Определение фрактала, данное Мандельбротом, звучит так: «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому». Фактически фрактальная структура обесмысливает само противопоставление «часть-целое». В этом отношении фрактал гомологичен лейбницевской монаде как понятию простой субстанции, в которой необходимо должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет. Идеально-типические модели смыслового пространства культуры, построенные на основе парадигматического свойства фракталов, позволяют разрешить особую концептуально-методологическую проблему, связанную с парадоксами теоретического анализа самосоотнесенных систем. Суть данной проблемы можно прояснить на основе исследований Ю. М. Лотмана «семиосферы культуры». Эти исследования показали, что «неоднородность внутренней организации составляет закон существования культуры», необходимое условие преодоления энтропии структурного

¹ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М., 2002. С. 13.

² Там же. С. 280.

автоматизма. Вместе с тем «...на определенном этапе развития для культуры наступает момент самосознания, — она создает свою собственную модель. Эта модель определяет унифицированный, искусственно схематизированный облик, возведенный до уровня структурного единства. Наложивший на реальность той или иной культуры, он оказывает на нее мощное упорядочивающее воздействие, доорганизовывая ее конструкцию, внося стройность и устраняя противоречия»¹.

Принцип самоподобия означает, что метаязык теоретической рефлексии должен обладать той же структурой, что и ее предмет, и накладывает запрет на «упорядочивающие» воздействия. Эпистемологически это требование легитимизируется особым типом отношения «часть–целое», определяющим топологию фракталов. В этой топологии элемент заключает в себе собственное субстанциальное целое, есть «часть, равная целому, причем целое не равно своей части»², как определял существо символа П. А. Флоренский. Раскрывая диалектику числа у Плотина, А. Ф. Лосев так формулирует основную интуицию бытия античного платонизма: «Условием мыслимости мира является тождественность каждой вещи с миром в целом»³. Поэтому единство нельзя понимать только как объединенность. Единство есть там, где каждая часть, отличаясь от целого, в то же самое время тождественна с этим целым. Плотин приводит аналогию с разлитым в чаши молоком. В каждой чаше находится порция, которая определяется как часть целого. Но нельзя сказать, что белизна кружки молока является частью белизны молока в целом (как «двойка» является частью «десятки»), или что белизна кружки молока меньше, чем белизна всего молока; в этом случае «мы имеем белизну части, а не часть белизны»⁴. Белизна целиком и полностью присутствует в любом произвольно взятом количестве молока.

В отличие от принципов построения самореферентного текста, структурное и функциональное самопо-

добие в нелинейных развивающихся системах может возникать (или, напротив, исчезать) в областях нелинейных резонансов, в том числе в ритмокаскадах, порождаемых морфогенетической волной диалогического общения *между* сознаниями. Фрактальный тип организации текстов культуры и принцип самоподобия позволяют принять «индивидуализирующую тонкость» (Ф. Ницше) экзистенциальной коммуникации как порождающую модель *нелинейной компаративистики*, в которой идеи и тексты культуры, даже включаясь в интертекстуальные игры и подмены, сохраняют смысл *живого события*.

Архитектоника произведения-текста представляет собой открытое множество констелляций рефлексивных резонансов, среди которых нет ни привилегированных точек, ни привилегированных траекторий движения (они выбираются свободным произволом). Однако если мы ведем речь о Тексте в его постмодернистском понимании, то нельзя забывать указание Р. Барта, что на уровне Текста, в отличие от Произведения, смыслы создаются и фокусируются не автором, а читателем, в его — читателя — времени, с позиций его собственного духовно-интеллектуального и жизненного опыта.

В попытках экзегезы текстов Книги Бытия Августин приходит к заключению: «...если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в моих словах отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой отчетливой мысли, исключавшей все остальные»⁵. Именно так устроена Культура как Текст. Соответственно особого рода исследовательская стратегия архитектоники смыслового пространства культуры направляется не по пути изменения существующей или введения новой аксиоматики, а по пути развития логико-смысловой согласованности intersubъективного контекста определения универсалий культуры.

¹ Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 501–502.

² Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Имена: соч. М.; Харьков, 1998. С. 140.

³ Лосев А. Ф. Диалектика числа у Плотина // Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М., 1994. С. 721.

⁴ Плотин. Эннеады IV. 3. О сомнениях души. Первая книга // Плотин. Космогония. М.; Киев, 1995. С. 59.

⁵ Августин Аврелий. Исповедь. СПб., 1999. С. 349.